

О необходимости фундаментальных наук, особой роли философии и социализме с «человеческим лицом»

<https://oralhistory.ru/talks/stepin2>

🎤 15 июня 2011

Собеседник

Стёпин Вячеслав Семенович

Ведущий

Буданов Владимир Григорьевич

Дата записи

Беседа записана 15 июня 2011 и опубликована 7 ноября 2012.

Введение

Во второй беседе академик РАН Вячеслав Семенович Стёпин рассказывает о военном детстве, о своем пути в науку, об идеологических узах и романтизме 1960-х годов, о двуличии власти и самосознании советской молодежи и интеллигенции. Собеседники обсуждают «статус» философа, кто он — мудрец, теоретик, провидец или реформатор? Каковы вообще функции философии в истории и меняются ли они со временем. Затрагиваются вопросы цивилизационных универсалий культуры и их современные трансформации, категории успеха и совести, свободы и справедливости.

Владимир Григорьевич Буданов: Добрый день! Мы сегодня опять в гостях у Вячеслава Семеновича Стёпина, академика РАН, доктора философских наук, человека, который прошел большой жизненный путь. Если в прошлый раз наше интервью было посвящено основному результату его творчества — постнеклассическим направлениям в науке, то сегодня мы бы хотели поговорить (в основном это нацелено на научную молодежь) о путях советской и российской науки, о жизненных ценностях, которые сегодня в большой степени утрачиваются. Это делается в рамках проекта «Устная история», который широко существует в западной традиции, и в английской, и в американской. Помните, Гейзенберг делал интервью.

Вячеслав Семенович Стёпин: Был такой проект «Интервью с творцами квантовой механики».

В.Б.: Сегодня за горизонт уходят сами творцы, а молодые ученые не имеют образцов не только научного творчества, но и каких-то жизненных ценностей. Мне бы хотелось, чтобы вы рассказали о том, как формировалось ваше мироощущение. Я понимаю, что это целая эпоха детей войны. Потому что мы до сих пор с восхищением смотрим на вас, вы не изменяете правилам в отношении этоса науки. А молодые доктора запросто — все коммерциализировано, почему бы не выдать за свое.

О фундаментальной науке

В.С.: Я вообще убежден в том, что коммерциализация научных знаний имеет определенные границы. Есть знание, которое в принципе может вполне перейти в технологию, стать технологическим знанием и затем изобретением технологическим в данную историческую эпоху. А есть знания, которые настолько задействованы на опережение социального развития, что они не могут в современную эпоху быть внедрены.

В.Б.: Фундаментальные знания?

В.С.: В этом предназначение фундаментальных наук. Если бы с коммерческой точки зрения отнеслись к открытию электромагнитного поля Максвеллом и законов электромагнетизма, что можно было с этого получить непосредственно, какие технологические изобретения? Да мало что. Это уже примерно в 70-е годы XIX века...

В.Б.: Электрификация была, телеграф был.

В.С. Степин и Л.М. Томильчик в годы студенчества

В.С.: А все будущие электрогенераторы, электростанции, будущее телевидение, радио, будущая связь — все это лежало за горизонтом. Для этого нужно было пройти еще примерно пятьдесят лет развития цивилизации.

В.Б.: Но ведь отношение к фундаментальной науке имеет, наверное, и культурное основание.

В.С.: Конечно!

В.Б.: Советская школа или советский идеальный образ ученого ведь тоже формировался?

В.С.: Это все фундаментальная наука.

Что было в советский период? Было понимание, что без общего развития науки, не просто прагматичного в отдельных отраслях, а без общего развития науки как некой системы, без фундаментальных научных разработок, трудов фундаментальных невозможно впоследствии получить и прикладные исследования.

Вот это было. Такой пример. После гражданской войны, когда разруха была, наш великий физиолог Иван Петрович Павлов размышлял о том, как ему быть. Все было на уровне разрушения, и лаборатория его, и всё. Его приглашали в Америку как нобелевского лауреата. Тем не менее, было специальное решение правительства о создании в Колтушах центра развития этого направления. Хотя страна была в очень тяжелом экономическом положении, шел восстановительный период, нужно было еще индустриализацию провести.

В.Б.: То есть была стратегия.

В.С.: Да, была стратегия. Была стратегия развития математики, физики.

В.Б.: Вернадского вернули, Капица приехал.

В.С.: Совершенно верно. Возвращали ученых из-за рубежа. Возник интереснейший феномен советской фундаментальной науки, которая могла соперничать в то время, и соперничала с немецкой, а до 2-й мировой войны была великая немецкая наука: великая физика, химия. Это потом, с приходом Гитлера, началась «арийская физика».

В.Б.: Массовые выезды.

В.С.: Да, выезд людей за рубеж. Кстати, многие даже хотели выехать и остаться в Советском Союзе. Я знаю, Филипп Франк, и философ, и физик, у него учебник по теоретической физике, по которому Европа училась. После Эйнштейна он кафедру принял, был завкафедрой. После того, как был аншлюс, и Австрию, по существу, присоединили к Германии, он приехал в Советский Союз. Но у нас в это время шли уже репрессии. Он понял, посмотрел, поехал на очередной конгресс физический в Лондон, там и остался. У него была сначала идея остаться здесь.

В.Б.: С другой стороны, российская императорская высшая школа была сделана по образцу немецкой. Мы переняли систему классических немецких университетов. В этом смысле ценности науки, конечно, передавались через специалистов.

Школа. Военное время

В.С.: Интересно, что обучение у нас строилось на фундаментальных науках. Я, например, кончил советскую школу. В 51-м году я закончил 10-й класс. Мне было тогда неполных семнадцать лет, когда я поступал в университет. Я рано очень пошел в школу. До войны мы жили в Москве, но в конце октября, когда немцы уже были под Москвой, было принято решение о массовой эвакуации населения. Москва готовилась к уличным боям. Это было тяжелое время Отечественной войны. Мы были вывезены в эвакуацию в Башкирию, потом в Саратов переехали. Уже после войны, когда отец вернулся с фронта, его направили на работу в Белоруссию. И мы оказались в Белоруссии.

В.Б.: Расскажите немного о военном времени, чтобы наше «поколение макдональдса» немножко понимало, что это такое.

В.С.: Я вспоминаю военное время, особенно 41-й — 42-й годы, голодное время, всегда не хватало еды. Соли не было. А ведь кроветворение в детском организме особенно предполагает солевой обмен, а соли явно не хватало. И мама как-то достала на базаре комок каменной соли, на что-то выменяла, в то время деньги мало стоили, был натуральный обмен. Общей валютой был спирт тогда.

В.Б.: Это на Волге было?

В.С.: В Башкирии мы жили, под Стерлитамаком.

Она принесла, и я до сих пор помню ощущение чего-то чрезвычайно вкусного, я лизал эту соль как леденец.

В.Б.: Олени ходят в солончаки.

В.С.: Видимо, не хватало организму. А вообще, когда мать пошла работать на пороховой завод, она сначала учительствовала, а потом пошла работать сначала парторгом цеха, потом парторгом завода. Она там дни и ночи пропадала, они там спали. Поспят три часа, а потом снова к станку. Все для фронта, все для победы! Она прибегала только ночью, посмотреть, как я. А я жил один, сам.

В.Б.: Сколько же вам было тогда?

В.С.: Должен был ходить в школу, мама требовала, чтобы я получал отличные отметки.

В.Б.: Это какие классы?

В.С.: Это первый, второй и третий класс, примерно со второго на третий класс происходило все. Мне был восьмой, девятый год. Она часто оставляла продукты на неделю, хлеба буханку. На ней были зарубочки, сколько можно съесть в день. Я отрезал

кусок, что сегодня положено, заворачивал в полотенце и прятал под подушку, чтобы не раздражало.

В.Б.: Чтобы не было искушения.

В.С.: Да, потому что у меня был такой опыт, когда я съел больше, чем положено, и в последний день ничего не было, я голодный ходил, есть было нечего. Пока мама не пришла и принесла новый кусок.

В.Б.: Чувство меры воспитывалось.

В.С.: Воспитывалось, что все должен делать сам. Сам должен печь затопить, я научился топить. Причем, печь торфом топили, сначала дрова нужно было разжечь, потом положить торф на них. Самому сварить себе суп, помыть посуду, пойти в школу, в общем, самообслуживание. Я полагаю, очень важный был этап, приучил меня к тому, что я никогда не полагаюсь на то, что кто-то мне извне обязан дать. Я хочу этого, и вы дайте мне! И мысли такой не возникало.

В.Б.: Вселенная вам не должна.

В.С.: Никто никому ничего не должен, ты сам должен все сделать. И я же не один такой был. Это поколение было такое, дети войны, везде так было.

Философский факультет

В.Б.: А потом вы ведь шестидесятниками стали.

В.С.: А потом мы стали шестидесятниками. Я пошел в университет в 51-м году, поступил на философский. Потом понял, что на философском факультете надо выбирать специализацию в первый же год и решил заниматься философией науки. Потому что то, что сейчас называют социальной философией, было ужасающей догматикой. Там изучали произведения Сталина, «Вопросы языкознания», экономические проблемы социализма в СССР, какие-то работы Маркса, Ленина, но, в основном, это было догматика, особенно в последние сталинские годы. Люди боялись доносов, кто-то скажет, что преподаватель не те мысли прививает. Поэтому мы читали какие-то пожелтевшие конспекты, чтобы если будет проверка, показать, что я читаю, проверяйте... Тяжелое время, репрессии могли быть, посадить могли, если что не так.

В.Б.: Вопросы, рефлексия по поводу прочитанного почти невозможны.

В.С.: Вопросы были. У меня был такой случай, я писал об этом в книге. У нас был такой замечательный человек, он у нас преподавал философию, тогда доцент, потом стал профессором, завкафедрой, Василий Иванович Степанов. Мы все ему благодарны. Очень умный был человек, много знал, прекрасно знал историю философии. Но я не понимал тогда, куда я его подставляю. Была такая ситуация. На первом курсе нам читали по сталинским работам, мы изучали марксизм, вопросы языкознания. У Сталина четко написано, что если базис меняется, то тут же меняется и надстройка. Что ликвидация базиса или преобразования экономические приведут к преобразованию надстройки. И я спрашиваю, а может так быть, чтобы старая надстройка обслуживала новый экономический базис? У Сталина этого нет, по Сталину получается, что не может.

В.Б.: Вашими словами: возможна ли была индустриализация в царской России? Что-то такого типа.

В.С.: Даже не так. Имеется в виду вся идеология, система идей, мировоззрение. Политическая надстройка, то есть политические взгляды, институты, организация государства. То, что корреляция есть, это в марксизме зафиксировано, корреляция между экономическим строем общества и его, как бы мы сейчас сказали, культурой. Это действительно у Маркса было открытие, такая корреляция есть, она довольно сложная и всегда присутствует. Но у Сталина это все упрощено. У него часто вся философская сложность, которая есть у Маркса, упрощалась. Традиция была такая.

” Еще Луначарский говорил в 905-м году, когда была полемика с Лениным о богоискательстве, богостроительстве, он говорил, что марксизм нужно преподавать рабочему классу не как науку, а как религию. Он все равно всех сложностей «Капитала» не поймет, поэтому его надо упростить, свести к простым, понятным вещам и преподносить как Библию.

В.Б.: В каком-то смысле оно так и получилось.

В.С.: Да, сначала Ленин его ругал, но потом так и сделал. Была идея написать учебник по историческому материализму, которую реализовывал Бухарин. Это тоже очень сильное упрощение. И была знаменитая четвертая глава «Краткого курса истории партии», которая приписывалась Сталину, об историческом и диалектическом материализме. Она считалась работой Сталина. Там виден сталинский стиль, где все было по пунктам: три черты, пять признаков. И все это жестко было.

Так вот, в марксистских вопросах языкознания была фраза, что с исчезновением базиса исчезает надстройка. Она у меня вызвала сомнение, и я спрашивал, может ли быть так, что новый базис обслуживается элементами старой надстройки. И уважаемый мной Василий Иванович, который не мог же допустить, что у него на семинаре студенты поставили под сомнение идеи Сталина, а он не разъяснил. Он это все прекрасно понимал, он прошел 37-й, годы репрессий, войну прошел. Он сказал, нет, по Сталину так. Но я не утихомирился. Как же так, говорю, а вот у Ленина написано в «Государстве и революции», что буржуазия использует старый государственный аппарат в своих целях, она его даже не меняет. Это идея Ленина, что пролетарская революция должна разбить и сломать старую государственную машину, поскольку она предназначена для эксплуатации. А так как только форма эксплуатации меняется, рассуждает Ленин, объяснить можно, почему буржуазия не меняла структуру этой машины. Более того, даже чиновники, которые обслуживали феодальные порядки, после французской революции выполняли те же функции в государственных учреждениях.

В.Б.: У нас огромное количество спецов переключалось в советский аппарат, благодаря этому Россия сохранила себя.

В.С.: Да-да! Это, в общем, очевидно. Но тогда получается противоречие у Сталина и у Ленина. Когда я ляпнул эту фразу, она выглядела как совершенно крамольная, и он меня пресек: «Сядь! Что ты тут глупости всякие говоришь, приписываешь Сталину то, что он не говорил, навязываешь всякую ерунду! Садись!» Я сел, но не утихомирился. Потом решил все-таки дойти до истины. Снова подхожу к нему после занятий.

В.Б.: Так-то лучше!

В.С.: Он что-то мне пытался разъяснить, что у Сталина это подразумевается, но это не самое важное. А самое важное, что меняется базис и меняется надстройка. Сталин на этом акцентирует внимание, что, мол, одно другому не противоречит. Меня это не удовлетворило. На следующий день я иду по коридору, навстречу Василий Иванович, и я решаюсь подойти с новыми вопросами. Он увидел меня, быстро зашел на кафедру и закрылся ключом.

В.Б.: Чтоб никто не услышал!

В.С.: Вот такие времена были. Все равно я очень благодарен нашим учителям, которые подвигли нас, что надо все-таки читать классику философскую. Я на втором курсе понял и уже поставил себе задачу: надо к пятому курсу прочитать у всех выдающихся философов по одному главному труду. Я это сделал, законспектировал. У меня до сих пор гора тетрадей с этими конспектами.

В.Б.: В философию науки вы и пошли из-за этих сложностей?

В.С.: К тому времени я уже понял, и отец мне разъяснил: «Что ты лезешь, надо понимать, что есть политика!»

В.Б.: Либо античностью, как Лосев, заниматься, либо философией науки.

Выбор философии науки

В.С.: Во всяком случае, я решил пойти по [линии] философии науки, а поскольку надо ее знать, я стал усиленно заниматься физикой, ходить на физфак, получил разрешение на посещение лекций, прохождение курсов.

В.Б.: Ко мне сейчас молодежь наша подходит, спрашивает, что вы разрешили им, письмо писали, слушать лекции физиков.

В.С.: Тогда это разрешалось. Я считаю, что если человек занимается философией, то она не бывает философией вообще, она имеет специализацию. У нас есть этика, эстетика, философия науки, философия политики и права, гносеология, теория познания. И каждая имеет свой материал, нужно знать этот материал. В этом состоит глубина проникновения философии в те проблемы, которые она сама выдвигает и отвечает на запросы культуры и социальной жизни.

” Тут нужно понимать функции философии в культуре и социальной жизни. Философия предназначена для того, чтобы изобрести, сконструировать новые мировоззренческие смыслы, которые могут в будущем стать своеобразными аккумуляторами, кристаллизаторами нового состояния культуры.

В.Б.: Это к вам пришло когда, уже в те годы или сейчас?

В.С.: Нет-нет, после. В конце 70-х — начале 80-х я уже оформил эту идею в развернутой форме в виде большой по тем временам статьи в «Вопросах философии». Там было больше листа, а в те времена в «Вопросах философии» очень жестко следили, чтобы не было превышения этого регламента. Но поскольку заинтересовала редакцию сама постановка и аргументация, мне дали больше листа, листа полтора, чтобы я написал все. Там я провел такую мысль, что в глубинах культуры есть ее фундаментальное основание: жизненные смыслы и ценности, которые фиксируются в особых категориях, называемых часто категориями культуры. Их называют также концептами, идеями, жизненными смыслами, это все синонимы для обозначения этих феноменов. Я называю их мировоззренческими универсалиями. Что это такое? Это понимание того, что есть человек, что есть природа, что есть личность, деятельность человека, новации и традиции, пространство и время, причинность, вещь, свойство, отношение, труд, совесть, честь, долг, справедливость, свобода. Эти понимания в разных культурах разные, об этом говорят исторические материалы.

В.Б.: А не могут эти категории элиминироваться, высмеиваться. У меня такое ощущение, что некоторые понятия... честь, например. Где это слово — «честь»?

В.С.: Могут. Когда я говорю об универсалиях культуры, то понимаю так: категории это универсальные, но смыслы в них могут вкладываться совершенно разные. Понимание природы может быть разное. Если мы возьмем понимание природы, которое сложилось в эпоху Нового времени, в новой европейской культуре, то тогда природа понималась как нечто противостоящее человеку. Человек как бы со стороны изучал природу, понимал, но в то же время преобразовывал ее как поле действий, как поле преобразований, как материал, ресурс для деятельности. Это особый тип цивилизации, в котором мы и сейчас живем, он тогда заложен был.

А в традиционалистских культурах прошлого природа всегда понималась как живой организм, как то, где живет человек, который должен быть адаптирован, он не должен внедряться активно в этот организм и преобразовывать его. Поскольку тут катастрофы могут быть и так далее. Я хочу сказать, что сейчас мы понимаем, что в тех традиционалистских культурах содержалось очень большое зерно истинно человеческой жизни. Более того, сейчас мы понимаем, что не такая это глупая вещь, что окружающая нас среда — живой организм. Поскольку после работ по глобальной экологии, после работ Вернадского о биосфере мы понимаем, что непосредственно среда, в которой мы живем, это биосфера, сфера жизни.

Это особый организм, особая целостная система, в ней не все разрешено делать, а если мы там двигаемся как слон в посудной лавке, мы можем очень многому навредить.

В.Б.: И себе в том числе.

Происхождение науки

В.С.: И себе тоже, поскольку мы части этого организма. Но я хочу зафиксировать, что это просто разное понимание того, что называется природой. Кстати, от этого разного понимания во многом зависело и происхождение науки, поскольку экспериментальное естествознание, метод эксперимента, а значит, и само естествознание оформилось, по существу, в новой европейской культуре. Началось это в XVII веке, с Галилея.

В.Б.: Роджер Бэкон еще раньше начал.

В.С.: Предтечи были, конечно. Но ньютоновско-галилеевская парадигма, идея соединить математику и эксперимент — это программа развития физики, механики и естествознания в целом. Грекам, например, эта идея была совершенно чужда. Мы часто говорим, что у греков был Архимед, была александрийская наука.

В.Б.: Но это не мейнстрим.

В.С.: Да, был Архимед, был Герон, Папп, был эксперимент, но на самом деле, это показано хорошо в работах Ахутина или в западных работах, на которые он ссылается и опирается, показано, что разное понимание было. Греки понимали природу как космос, то есть качественное состояние вещей, которые представляют собой некую целостность. И поэтому вмешиваться в протекание природных процессов со стороны человека, значит нарушать эту гармонию целостности. А нарушишь гармонию, ничего не поймешь. Вот, например, у греков была такая аналогия, что космос динамичен, но он постоянно гармоничен, как гармонична скульптура поликлетовская Дорифора, копьеносца. Было бы дико полагать, что мы можем постичь гармонию этой скульптуры, если отрубим у нее палец, допустим, он из мрамора или бронзы, и будем этот палец крошить и изучать его состав. Мы ничего не поймем в гармонии. Поэтому греки жестко разграничивали эти две вещи: сферу «технэ», искусственного, и сферу «фюзис», сферу космоса, естественного.

В.Б.: Сегодня люди искусства это повторяют в отношении науки, вы, говорят, хирурги, только аналитикой занимаетесь.

В.С.: Это не совсем так. И целостностью наука занимается, и элементами. Это более сложная система. Наука занимается не только аналитикой, есть и синтезирующее знание. Скажем так, с другой стороны, у науки есть своя специфика. Наука строится так, что она должна познать объект и законы функционирования этого объекта. А у искусства другая цель. Оно не ставит перед собой цель раскрыть законы природы, рассчитать, как будут, скажем, двигаться планеты вокруг Солнца или какие будут последствия, если я перекрою реку плотиной и устрою там гидроэлектростанцию.

” Искусство — тоже познание природы, но в ее отношении к человеку и ее переживание человеком. Это очень важная вещь.

В разные эпохи люди по-разному переживали природу. Кстати, я не договорил по поводу греков и Нового времени. Греки считали, что наука может быть построена по-настоящему только как умозрительная наука, как не вмешивающаяся действием в протекание природных процессов. Это сфера «технэ». А настоящая наука познает мир таким, какой он есть, в его гармонии, а это можно сделать только двумя путями: философией и математикой.

В.Б.: Отсюда и натурфилософия. Вячеслав Семенович, но вы же к искусству имеете далеко не опосредованное отношение. Расскажите немножко об этом.

Функция философии в культуре

В.С.: Да, было время, я пятнадцать лет преподавал архитекторам эстетику, теорию искусства. Это был особый период, когда мне сказали, что не хватает часов на кафедре философии. Я читал там диалектический материализм, математическую логику на радиофакультете, потом он отделился в особый институт в Белоруссии, Политехнический белорусский институт. Часов не хватало, мне сказали, либо истмат читайте... а старая нелюбовь к истмату у меня долго сохранялась, тем более, что тогда это было связано с разъяснением решений съезда, речей Брежнева, что уже науку эту просто убивало напрочь и вырождалось в чистый комментарий текущей политики, идеологический комментарий. Поэтому я решил выбрать эстетику, мне это понравилось, я год прочитал общему потоку. Потом мне сказали, давай, переходи к архитекторам. Да вы что, говорю, там же профессионалы! Там же есть язык архитектуры, архитектурная композиция. Если хотите, пошлите меня подучиться. Послали в ВЛХТУ. Я прошел курс у профессора Вакса по формальной композиции.

В.Б.: Еще раз можно повторить название вуза, это в Питере?

В.С.: Высшее ленинградское художественно-техническое училище имени Мухиной. Я там прошел курс формальной композиции, понял, почувствовал. Очень интересный этап моей жизни. Вернулся, взялся у архитекторов читать, и это был один из любимых моих курсов. Но это отдельный разговор.

Я вернусь все-таки к тому, какую функцию философия играет в культуре. Кратко она вот в чем состоит. Универсалии культуры или мировоззренческие смыслы — это гены культуры. Подобно тому, как в организме есть геном, который состоит из отдельных хромосом, генов, и их комбинации образуют то, что называют наследственностью организма. Если мы перенесем такую аналогию на общество, то в культуре есть такие пласты духовных образований, которые играют

примерно ту же роль, что гены в биологическом организме, которые обеспечивают воспроизводство общественной жизни на неких устойчивых основаниях.

В.Б.: А засыпать они могут?

В.С.: Некоторые гены могут меняться, засыпают, они не бывают неизменными, но, в общем, они всегда целостность. В культуре вы имеете дело со смысложизненными универсалиями, с концептами, идеями, с мировоззренческими универсалиями, они выполняют три функции: во-первых, они обеспечивают сортировку социального опыта. Люди постоянно в своей деятельности придумывают что-то новое, но что попадет в культуру, а что не попадет, определяется смыслами. Эти смыслы что-то запрещают, а что-то разрешают.

В.Б.: А вот две культуры, по Сноу, гуманитарная и естественнонаучная?

В.С.: Это другой разговор. Я о том, что может доминировать в культуре. В эпоху Возрождения, например, доминировало художественное познание мира. Леонардо был таким же великим художником, как и великим естествоиспытателем, и, если современными терминами говорить, великим инженером, поскольку тогда не было профессии инженер. И Микеланджело, будучи и художником великим, и скульптором великим, занимался естественными науками. Они всё знали, интересовались. Это великие флорентийцы эпохи Возрождения, Италия того времени, о них отдельно надо говорить. Но что важно для меня? Если я говорю о культуре как целостности, то есть резонанс, сильная когерентная связь между искусством, наукой, политикой, религией, пониманием правового сознания и обыденным сознанием людей.

В.Б.: Это вы анализировали как неклассика возникает. Я помню пример, как Эйнштейн посещал лингвистический кружок в Цюрихе.

Прощание заведующего со своей кафедрой. БГУ, 1987 г.

В.С.: Да, есть сильные когерентности. Что их определяет? Это давно подмечали философы, Шпенглер писал об этом, Данилевский писал об этом, даже у Гегеля это есть. Только у Гегеля в особой форме о связи между обыденным сознанием, искусством, наукой, религией и философией. Это все вместе, едино, потому что эти духовные сущности, категории, которые выражают вещь, свойство, отношение, понятие меры, понятие пространства — это категории как бы отношения человека к объекту. А есть еще категории субъект-субъектных связей, где они центрированы. И вместе они представляют собой то, что нужно для деятельности, потому что деятельность — это мое отношение к вещам, к объектам, которые будут изменяться через отношение к другому человеку. Поэтому деятельность всегда представляет собой такой треугольник: объект на субъект, второй субъект, и тот тоже на объект замкнут.

В.Б.: То есть еще одна триада.

В.С.: Да, это отношение к другому человеку. Наше отношение к природе всегда требует отношения к другому человеку. Так организована деятельность. Это обязательно. И тогда есть такие конструкции, духовные, сущностные, которые лежат в глубинах культуры, которые выражают все богатство этих отношений: субъект-объектных и субъект-субъектных. И там в первую очередь идут: природа, вещь, процесс, свойство, отношение, пространство, время, причина, случайность, необходимость, а во вторую: я, общество, другие, свобода, совесть, труд, долг, красота, любовь. Они так устроены, что если

ты определяешь, что такое справедливость, то неявно ты определил пространство, время и причинность, и наоборот. Они сцеплены.

В.Б.: Каждая отражает все другие. Как лейбницеvские монады.

В.С.: Это и есть лейбницеvские монады. Монады Лейбница. Это и есть генетический аппарат социальной жизни, по которому она воспроизводится. Если вы хотите изменить жизненные смыслы, а часто бывает так, что общество длительно развивается на своей основе, но вбирает в себя разные виды деятельности, формирует новые виды деятельности, и поначалу кажется, что все это допустимо, универсалии культуры позволяют это сделать. А потом, когда накапливается все это богатство, вдруг выясняется, что они перестают сцеплять. Это очень сложные, тяжелые времена, мы, кстати, в сталинскую эпоху это переживали. Ходил же в то время такой анекдот. Приходит один человек к врачу и говорит: «Доктор, со мной что-то не то — думаю одно, говорю другое, а делаю совсем третье». А доктор в ответ: «Идите, идите, мы от марксизма не лечим». Поскольку марксизм тогда был идеологией, а не просто наукой.

В.Б.: Вячеслав Семенович, вы как шестидесятник пытались этот процесс искренне и оптимистично трансформировать. Вы же участник этого процесса. Расскажите о шестидесятниках, о своих друзьях, о времени, когда вы были молодыми.

В.С.: Сейчас расскажу. Только закончу это рассуждение про философию, уж извините, я не могу так перепрыгивать, я должен довести до упора. Так вот, если есть эти гены социальной жизни, и если социальная жизнь так развивается, что рано или поздно эти гены перестают обеспечивать воспроизводство общественной жизни на устойчивых основаниях, тогда начинается эпоха, о которой мы часто говорим как о переходе к новому чему-то.

” Тогда рвутся старые связи, и общество вступает в некую полосу перемен, которую можно в нынешних терминах синергетики описать как некий динамический хаос.

В.Б.: Культура постмодерна.

В.С.: Постмодерн схватывает, кстати, правильно схватывает эпоху перемен.

В.Б.: В XIX веке анархизм.

В.С.: Да. Только мне всегда, когда я сталкивался, я не имею в виду наших эпигонов, а с теми людьми, с которыми считаются, с Деррида имел отношения и беседы, и с другими, я всегда спрашивал, откуда вы взяли, что отныне и навеки мы будем жить в динамическом хаосе, что это не завершится либо разрушением общества, либо формированием какой-то новой структуры, нового порядка социального, новой устойчивости, которая переменит просто жизненные смыслы. Нужно видеть таким образом, что общество всегда от некоего гомеостазиса переходит к новому гомеостазису, пройдя через такую фазу. Фаза очень тяжелая. Недаром китайцы говорили, что самая плохая участь человека — жить в эпоху перемен. Китайцы никогда не желали друг другу такое-сякое, они философично говорили.

Так вот тогда возникает надобность выяснить, что в глубинах культуры у нас уже не работает, или, скажем, какие гены либо повреждены, либо просто не осуществляют свои функции, поскольку нужна новая деятельность, новые виды активности, новая жизнь. И какими должны стать новые. Вот эту работу начинает выполнять философия. Она и предназначена для таких эпох неурядиц, сложностей жизни. Тогда приходит к Сократу обычный грек и говорит: «Сократ, научи жить добродетельно». Сократ спрашивает: «А ты понимаешь, что такое добродетель? Давай выясним смысл этого понятия». То есть, что он хочет? Он хочет понятие добродетели, справедливости вынуть из мегакультуры, как оно проявляется в обыденной жизни, в политике, в философии, в науке, во всех сферах жизни, и вынести на суд разума. И это только первый шаг. А второй шаг — сконструировать новое понимание, которого нет в современной жизни. Это значит выйти за рамки своей культуры, заложить новые гены, которые будут работать потом, в будущем.

Универсалии культуры

В.Б.: А кроме Сократа есть ли прижизненные примеры, когда к философу той или иной эпохи приходили и после этого конструировали? Ну, может, еще восточные мудрецы... Я так понимаю, всегда был отложенный период.

В.С.: Философия всегда стремилась выработать такие жизненные смыслы, которые выходили бы за рамки своей культурной традиции и которые, возможно, сегодня неприменимы, но мы их адресуем к будущему. Когда они будут применимы, это неизвестно.

В.Б.: То есть она не совсем практическая. Она выполняет фундаментальные функции.

В.С.: Она фундаментальная наука. Она и работает на этом этапе как фундаментальная наука. Универсалии культуры, они всегда не только смыслы, но те смыслы, которые определяют не просто осмысление мира, но и понимание, и переживание мира. Они всегда насыщены переживаниями. Они поэтому и ценности. Поэтому, если я говорю о справедливости, я всегда это переживаю, и нарушение справедливости я тоже переживаю. Мы уже с вами как-то говорили, в русском духовном наследии долгое время не было понимания истины, но там было понимание правды. Правда — это такая истина, за которую надо страдать, которой надо добиваться и которая должна утвердиться через действие, сопротивление, страдание.

В.Б.: Не в силе, а в правде!

В.С.: Да, вот именно. Не в силе, а в правде! И это очень важно, это и есть понимание универсалий культуры. Кстати, справедливость означает справить, сделать правду, сделать так, чтобы все люди жили по правде. А потом, когда у нас была прививка в процессе модернизации западной науки, появилось понятие истины, можно это отследить, есть работы. Понятие

истины появилось в XIX веке, долгое время соседствовало с понятием правды, а потом его вытеснило постепенно.

В.Б.: В этой связи, Вячеслав Семенович, вам не кажется, что мудрец был философом практики, который помогал людям по жизни. Так было принято на Востоке, в античности, а в наше время философ стал теоретиком.

В.С. Степин, Л.Н. Митрохин, Ф.Т. Михайлов

В.С.: Нет! В наше время философ стал теоретиком, который изобретает вещи, идеи, необходимые для будущего. Я вам пример просто приведу, я люблю этот пример приводить. Все говорят, как организовать лучший способ демократического правления обществом? Американская конституция дает такой образец. Что там? Разделение властей, права человека, билль о правах. Сделайте так, и будет демократическая организация жизни. Я спрашиваю, а откуда эти идеи взялись с разделением властей и прав человека? Они были выработаны за сто лет до американской конституции и в наиболее яркой форме предложены Джоном Локком! И кстати, отцы американской конституции сознательно взяли Локка, он там один из самых почитаемых...

В.Б.: А Локк это брал из античности.

В.С.: Он не просто брал из античности. Там многое было связано с тем, что он был недоволен своеволием монархии, считал, что нужно монарха обуздать, что человек, получающий власть, всегда должен быть чем-то повязан. Поэтому должно быть разделение властей: один принимает закон, второй приводит закон в исполнение, а третий смотрит как судья за правильностью этих решений.

В.Б.: Получается, последний владыка, царь-философ Аврелий. С тех пор философы напрямую у власти не были.

Задачи и проблемы философии

В.С.: Видите ли, я считаю так. Сейчас мы переживаем очень сложный период, цивилизация вошла в полосу кризиса. И если речь идет о стратегиях развития нового, то базовые ценности нужно подвергнуть критическому анализу.

В.Б.: Кем? Кто это сделает?

В.С.: А вот это и есть дело философов! С нас надо начинать.

В.Б.: Надо, чтобы философов слушали?

В.С.: Это сложно. Философ настоящий никогда не был сильно любим властями. Как-то так получалось. На Востоке было...

В.Б.: Институт юродивых, там была своя хитрость. Шуты были в Средневековье.

В.С.: Шуты могут быть и философы, могут быть и дурачки, это разные вещи. А вот когда речь идет о философах, то профессиональные занятия философией — научные исследования, очень тяжелые, по выработке новых смыслов жизни, новых конструкций, которые потом в культуру входят, транслируются в культуру, и мы даже не знаем, когда они сработают

и когда они понадобятся. Мы работаем для будущего.

Но когда начинаются сложные переходы социальной жизни, когда устойчивость нарушается, жизнь входит в динамический хаос, тогда потребность в новых стратегиях и в новых смыслах жизни в обществе очень остро возникает.

И тогда возникает очень сложная позиция, философия становится практической наукой, преодолевая огромное сопротивление традиций, когда люди привыкли так считать.

В.Б.: Значит, традиция не помогает.

В.С.: Изменения — всегда переосмысление традиций. А еще есть идеология господствующая, которую государство держит.

В.Б.: А есть ли идеология?

В.С.: Да есть, есть идеология. То, с чего мы начали. У нас говорят, знание должно быть так организовано, чтобы было прибыльно. Тогда мы говорим, что самые удачливые люди — богатые люди. А если ты не имеешь богатства, ты не совсем удачливый. У нас даже появилось понятие «успешные люди», которые достигли такого социального положения, что о них все говорят, им еще и деньги платят.

В.Б.: Зато категории честь, совесть вообще не слышны!

В.С.: Это другой вопрос. Я об этом и говорю, и вы об этом говорите. Все говорят. Возникает старая вещь, о которой в свое время писал Маркс, что нельзя делать деньги универсальным средством оценки всех человеческих качеств. Маркс писал, да, человек продает свою рабочую силу на рынке, и она оценивается деньгами. Его способность к труду, каким-то видам деятельности может приносить доход. Это особый товар, который приносит доход. Это основа марксова анализа капитализма. Но, говорил Маркс, тут возникает следующее: развитие товарно-денежных отношений, развитие капитализма приводит к тому, что деньги становятся таким феноменом культуры, таким средством, символом культуры, через который начинает оцениваться все, любые человеческие качества. И тогда, если их сделать товаром, если выбросить на рынок все человеческие качества как товар, тогда исчезает человеческая сущность. Человек становится односторонним, зацикленным только на приобретении богатства, денег, и он теряет то, что является богатством человеческих качеств. Он становится тем, что потом Маркузе, философ марбургской школы, назвал «одномерным человеком». Маркс рассуждал просто, у него есть такой замечательный пассаж: в нормальном человеческом обществе за ум надо платить умом, за дружбу дружбой, за любовь любовью, а в обществе, где все эти качества становятся товаром, можно иметь деньги и платить за ум деньгами, за любовь деньгами, за дружбу деньгами. Но у тебя этих человеческих качеств нет, они исчезают, они у тебя заменяются только деньгами. И ты становишься одномерным человеком.

В.Б.: Я бы хотел вернуться к идее генов. В полном геноме просто засыпает большая часть человеческой природы и остается это одномерное начало.

В.С.: Да, в геноме современной цивилизации рынок, деньги, экономика выступают как основная сфера жизни общества. И если здесь вести речь об изменениях стратегий, то нужен анализ: где границы функционирования денег как символа человеческих качеств, где граница организации экономики на таком принципе, который лежит в основе современного общества потребления: чем больше я потребляю, тем лучше для экономики. Ласло подверг этот принцип критике и предлагал от него отказаться. Но как от него откажешься, это же основа организации всей экономической жизни! Это и есть философская проблема. Это и есть размышления философа о том, какие в обществе неурядицы и как их надо изменить.

Сейчас мы понимаем, что задача философа, где бы и чем бы он не занимался, в какой бы области философии не работал, он имеет дело с одними и теми же универсалиями культуры.

Только он их по-разному анализирует, он выносит их на суд разума и конструирует, изобретает новые их смыслы, которые нужны обществу, потому что общество меняется. Если бы общество было неизменным, философия была бы не нужна. Тогда она вырождается в идеологию, религию, миф и перестает быть философией, циркулируя в недрах этих форм.

В.Б.: А почему она не могла быть, скажем, как математика. Аналитическая философия математики...

В.С.: Она могла бы быть. Она похожа на математику. Когда философ начинает ставить теоретические задачи, он часто совершенно разрывается со здравым смыслом. Мой любимый пример, древние греки. Это были не просто люди, которые решали какие-то повседневные задачи человеческой обыденной жизни, анализируя то, что в глубинах этой жизни лежит и что управляет людьми. Древние философы не только занимались этой, условно говоря, эмпирической работой, но и чисто теоретическими построениями, уже выходя за рамки потребностей своей эпохи. Они ставили и решали вопросы теоретические.

Если я решаю вопрос практически, то должен сказать, например, как часть соотносится с целым? Из суммы частей складывается целое, это понятно. Столы, дома состоят из каких-то элементов, мы их соединяем, и складывается целое. Тогда возникает вопрос, а как целое делится на части? Есть предел делимости? Как только этот вопрос ставится, решают его, уже не апеллируя к практическому опыту, а исходя из возможности дальнейшего теоретического рассуждения. Здесь возможны три решения. Целое делится на части до предела, это атомистика Демокрита и Эпикура. Целое делится на части беспредельно, это Анаксагор.

И вообще сумасшедшая идея, которая и в голову никогда не придет, — целое вообще не делится на части, бытие едино и неделимо. Как же неделимо!

Тогда же и движение невозможно, ведь движение — это перемещение одной части относительно другой. А если это застывшее, неделимое бытие, тогда оно неподвижно. Тогда приходит Зенон и говорит, так и невозможно движение! Вот вам покой. Ахиллес не догонит черепаху, нельзя перейти мост. Чтобы пройти мост, надо пройти половину, половину половины, и так до бесконечности. Летящая стрела покоится в каждый момент времени, ты ее находишь в покое, а в сумме покоя ты и не получишь движения. Вот, решили теоретически проблему.

Далее один из раскладов этого решения — элеаты сформулировали конструкцию Зенона, и что получилось? Конечно, к жизни греков это имело прямого практического отношения очень мало, выглядело именно как парадоксы ума. Но вот проходит тысячелетие даже, несколько столетий, даже тысячелетия, и вдруг в период создания механики начинает снова будироваться проблема, поставленная Зеноном. Как из суммы покоя получить движение? В каждый момент времени тело покоится, какой смысл имеет понятие мгновенной скорости? И решили этот вопрос из теории предела, разработки интегрального и дифференциального исчисления, и появилась новая математическая структура. О проблеме, поставленной Зеноном, вспомнили и снова ее раскручивали, но уже в какой-то момент на материале и условиях, которые позволяли какое-то решение найти.

В.Б.: Схоласты очень долго это раскручивали, но они с бесконечностью научились работать.

В.С.: Ведь дальше дихотомия, что нельзя разделить... условно говоря, нельзя перейти мост, надо пройти половину, половину половины и так далее, на чем она основана? Конечно, есть бесконечное число точек, половина отрезка — тоже бесконечное, и половина половины — тоже бесконечное. А как собрать эту бесконечность? Вот над этим стали умы ломать математики в конце XIX века, Кантор, Фреге, теория множеств, потом Рассел. И решили эту проблему, нашли классификацию множеств бесконечных. И, в общем-то, большой прогресс был в науке. А философия проблему может выдвинуть и рассматривать даже такую, которую потом оказывается очень важной для будущего. Но для того, чтобы она сохранила смысл, нужно каждый раз, в каждую эпоху не забыть об этой проблеме, переформулировать ее в новом языке и в новой культуре и ее туда приспособить. Вот это делает история философии.

Вот почему говорят, что в философии главное — это история философии. Потому что она старые проблемы формулирует в новом языке, во-первых, новые оттенки смысла им дает, новый смысл им дает. А, во-вторых, каждый раз притачивает их к массиву культуры, и если это в культуре востребовано, уже в новой культуре, то неизбежно эта проблема начнет обсуждаться.

А если речь идет о поисках каких-то новых нравственных начал, новых политических начал, то это обрстет эссеистикой, публицистикой, религиозными учениями и перестанет быть философской категорией, а погрузится в мегакультуру и станет универсалией культуры.

В.Б.: Сейчас многих хороших успешных молодых философов берут аналитиками с удовольствием, причем на анализ, там, где не совсем формализованные вещи, как раз то, о чем вы говорите.

Целостность философии

В.С.: Согласен с вами, согласен. А теперь я вернусь к своей идее. Философия разбита на разные области: этика, эстетика, философия религии, философия искусства, философия правовой политики, но в каждой из них философ имеет дело с одними и теми же универсалиями культуры, которые на особом языке своей специализации пытается вынести на суд разума и отыскать в них новые смыслы. В каждой из них он осуществляет свою работу. Вот почему философия всегда целостна. А если это так, то без разницы, чем ты занимаешься. Ты, в конечном счете, из философии науки тоже сделаешь выход такой, который будет затрагивать и философию политики, и искусства, и так же отрезонируют новые смыслы, которые ты изобретешь в других областях. Вот так устроена философия. А посему, выбирая какую-то область специализации философской, я получаю материал, в котором буду работать, и в этом материале буду находить закономерности человеческого мышления, закономерности функционирования тех жизненных смыслов, которые выступают как гены культуры и как гены социальных организмов, где они меняются. И если я хорошо работаю, то смогу сконструировать какие-то новые идеи.

В.Б.: Это конструктивизм все-таки. Я к 60-м годам хочу вас вернуть, к вашей молодости. Наверняка, эти зерна были посеяны тогда, когда была атмосфера оптимизма. Сейчас этого ничего нет, на что мы можем надеяться — непонятно.

В.С.: Да, была атмосфера оптимизма. Учтите, что после сталинской эпохи — хрущевская оттепель, когда вдруг неожиданно перед нами открылся «рай» культуры, сняты были запреты с очень многих вещей.

В.Б.: То есть во время хрущевского доклада вы были на старших курсах?

Оттепель

В.С.: Да, это был 5-й курс, письмо Хрущева съезду о Сталине, 5-й курс. Это же время, когда вечера поэзии в Политехническом,

наши великие советские поэты, которых мы сейчас вспоминаем, Рождественский, Евтушенко, Ахмадулина, и конечно, Андрей Вознесенский, замечательные поэты. Началось это у памятника Маяковскому.

В.Б.: Стадионы собирали...

В.С.: Собирали огромные аудитории, люди ловили поэтические слова. Выставки новые, обсуждения новых тем, «Мастер и Маргарита» Булгакова, открытие Платонова, открытие тех пластов литературы, нашей российской, советской, которая была закрыта из политических соображений. Переоткрытие Пастернака, Цветаевой, их всех издали. Для меня это были любимые стихи. И я вспоминаю, как мы жили тогда. Мы собирались часто после работы небольшими компаниями на дому, на кухнях, ребята, их жены, если они были женаты, или подруги, собирались, что-то покупали, вина сухого, алкоголем напиться было совершенно не модно, так для общения совершенно немного, делали какие-то бутерброды, чай и весь вечер толковали о каких-то проблемах, о литературе, об искусстве, спорили, о науке, о жизни, о политике.

” Вот там, в этих кухонных беседах и зарождался тип сознания с верой, с убеждением, что у нас сейчас новые порядки, жизнь все-таки неплохо устроена. Мы все верили, и я верил в то, что мы выйдем на такое состояние, что еще покажем миру, как надо образцово жить и образцово работать.

И ценности-то у нас были совсем не те, которые сейчас. Форсить какой-то шмоткой, не дай бог украшениями, вообще считалось неприлично, таких людей даже как-то презирали. Тогда шли фильмы «Девять дней одного года», дискуссии физиков и лириков. Наука была в почете, искусство было в почете, духовная жизнь, спорт был в почете, в университеты шли люди. Была особая настройка на то, что духовные ценности — главное.

В.Б.: Это связано с тем, что ужасы войны, голодное время закончилось наконец-то?

В.С.: Да, нет, уже закончилось, мы получили квартиры, пусть хрущевки. Быт устроен более-менее, считалось, что и достаточно. Это старая русская традиция, что в России богатство не ценилось, ценился достаток. Достаток, значит, мне достаточно. На что мне богатство? Что я с ним буду делать?

В.Б.: Хлопотно.

В.С.: Хлопотно и не нужно. Отвлекает меня от ценностей жизни, от того, что я должен думать. Вот как Пастернак говорит: жить, думать, чувствовать, любить, совершать открытия. Сущность, до самой сути. «Во всем мне хочется дойти / до самой сути, / в работе, в поисках пути, / в сердечной смуте. / До сущности протекших дней, / до их причины, / до оснований, до корней, / до сердцевины». Это где-то в нас сидело. Почему мы любили стихи Пастернака, Цветаевой.

” Считалось так, что более привлекательный парень для девушки — такой интеллеktуал. Это не значит, что он хилый какой-то, иногда изображали хилым очкариком. Ничего подобного, и спортом занимались, но это было все вместе как-то.

В.Б.: А сейчас «ботаники».

В.С.: И учиться было тогда престижно. Человек, кончавший школу с золотой или серебряной медалью, значит, в головечто-то есть. Главное, что в голове. Потом это исчезло, растворилось, уже в 70-х годах появилась новая генерация. Открыли Запад, открыли, что там люди живут материально лучше, и благоустроена жизнь лучше, наши поехали туда, даже руководители. Ходит такая байка, что когда Микоян приехал из Америки, сказал, что мы живем так, как рядовой американский инженер (члены Политбюро). Имеем даже худшие, может быть, условия жизни, квартиры и все...

В.Б.: Может, с этого перестройка и началась?

В.С.: Перестройку начал еще Хрущев, он же выдвинул «догнать и перегнать Запад», и верили в это.

В.Б.: Если бы он не назначил на 80-й год коммунизм, тогда, наверное, что-то было бы.

В.С.: Но когда уже все разуверились, вот тогда продолжавшиеся на кухнях разговоры проходили под таким девизом: что такое у нас происходит? Почему так? Почему мы добились таких успехов в космосе, в науке? Вот я вам скажу, в 86-м году было проведено такое исследование (я в 87-м был директором ИИЕТА), оно только сейчас закончилось, результаты его получили. Сравнительный анализ американской и советской науки по основным направлениям, которые определяли, как сейчас бы сказали, прорывные направления в науке. По большинству из них, может, исключая вычислительную технику, кибернетику, где мы отставали, а по многим из них, даже в биологии, мы уже достигли неплохих результатов, несмотря на травлю генетики. В физике, особенно в ядерной физике, космонавтике, в этих областях науки и техники мы поддерживали паритет. Конечно, это было связано с гонкой вооружений, с военно-промышленным комплексом. Но паритет поддерживался. И мы посчитали, сколько стоило рабочее место в Америке, место ученого и его обеспечение, и сколько у нас? В восемнадцать раз меньше. А результаты были сопоставимы, не отставали, в чем дело?

В.Б.: Говорили, что наши программисты самые лучшие, а машины слабые.

В.С.: В чем дело? Почему так? Упорство, вот что ценилось. А уже когда перешли на деньги, и началось, чего я буду париться, голову ломать. Это ведь вообще тяжелая жизнь.

Как отраву, наукой заниматься, наркотик какой-то. Без него трудно, а когда вкальываешь, голова у тебя трещит, ночи не спишь, не сходится, то плохо, это плохо, бросить бы.

В.Б.: Муки творчества.

В.С.: Муки творчества. Зато когда ты сделал, как там товарищ Пушкин говорил: «Ай, да Пушкин, ай да, сукин сын!» Ай, как здорово получилось! Но потом все это забываешь, и новое пошло. И все на круги своя. А сейчас люди говорят: зачем мне так париться, зачем мне это все.

В.Б.: Да еще за эту зарплату.

В.С.: За эти несчастные деньги, я лучше в бизнес пойду и так далее.

В.Б.: Одно время подавалось так на телевидении, что в 80-е годы народ увидел блага Запада, и джинсы, пепси-кола, жвачка стали лозунгами молодежи.

В.С.: Музыка западная пришла.

В.Б.: На площади выходила интеллигенция, которая не пепси и жвачки требовала.

В.С.: Интеллигенция требовала свободы.

В.Б.: Да не свободы, а справедливости.

В.С.: Справедливости, правильно, правильно. Свобода как справедливость. Ведь свобода включает в себя справедливость, потому что свобода — не эгоистическое желание, чего хочу, то и кручу, и не то, что наплевать мне на соседа, я хочу так, он не хочет, и пошел он подальше.

В.Б.: Свобода — культурно-историческая категория.

В.С.: Свобода всегда связана со справедливостью.

В.Б.: В России это так.

В.С.: В России так, свобода — это и самоограничение, чтобы и другому человеку...

Так все говорят, что моя свобода кончается там, где начинается свобода другого. Известная формула. Но в России, в нашей традиции, интеллигентской традиции, свобода — это всегда и справедливость, мое свободное решение должно быть справедливым решением.

Это очень серьезное дело. Сейчас, к сожалению, это исчезает.

Время конфронтаций

В. Б.: Вячеслав Семенович, расскажите, если можно. В вашей жизни был очень драматичный период, связанный с введением войск в Чехословакию и с тем, что вы подписали.

В. С.: Ну да, было такое. Я не только подписывал, я пошел туда. Вообще-то тогда, в тот период я считал, что социализм нужно делать с человеческим лицом, и говорил об этом. В свое время, это началось еще, когда я был в аспирантуре в 57-м году. После 56-го года меня очень интересовало, как могло получиться, что все прекрасные идеи построения великого общества будущего превратились в концлагеря, в пытки. Что такое, почему так получилось? Почему был сталинизм? В чем там дело? И я, поскольку был допущен к спецхрану, меня допустили, там несколько работ. Я писал по позитивизму, а несколько работ, в том числе "Wahrheit – relativ oder absolut?" Филиппа Франка, были изъяты из массового употребления, и туда – только по особому разрешению. А там всего-то и была одна глава, почему тоталитаристам так ненавистна наука, почему наука ненавистна фанатикам. Он проводил параллели между тоталитарным режимом Гитлера и тоталитарным режимом Сталина. Анализировал эти преследования, арийская наука, не арийская наука, здесь буржуазная и пролетарская наука, и так далее.

В. Б.: Это о гуманитарной все-таки, в естественной и точной науках у нас не было вопросов.

В. С.: А нас было полегче, но, тем не менее, все-таки была компания против кибернетики и генетики. Это было. Вот там он все это анализировал, и в спецхран положили эту книгу. Но когда я пришел, выписал, читал ее, сидел, то выяснилось, что в открытом доступе лежат решения съездов партии. 14-й и 15-й лежат на полках. Я взял их для интереса почитать и вдруг обнаружил, что 14-й съезд партии не разрезан.

Я его потихоньку сам разрезал и начал читать. И запомнил, как там все шло, как Сталин завоевывал позиции. И я сконструировал целую схему логическую, как началась организация партии нового типа, партии Ленина.

Я все это изложил, причем, там были вещи, которые, как я сейчас понимаю, для того времени звучали совершенно крамольно. Я говорил о гениальности Ленина в такой формуле, что перед Лениным стояла задача. Он говорит: штаб должен быть у партии, там, за границей. А дальше, ему же нужно войско штаба, а где это войско взять? Его нужно сформировать, нужны профессиональные революционеры, а как их создавать, этих профессиональных революционеров? У него хорошая возникает идея: надо общерусскую газету создать, политическую, которая будет критиковать царизм, строй. И тайно ее распространять, должны быть агенты, агенты «Искры». А когда они тайно распространяют, их же ловить будут, на каторгу ссылать. Вот кто прошел эту школу естественного отбора и вернулся в революцию, тот и настоящий профессиональный революционер.

В.Б.: То есть, рекрутинговое агентство.

В.С.: Да, совершенно верно. Вот такой замысел был у Владимира Ильича. И я об этом рассказывал, ссылаясь на «Что делать?» Он так и писал.

В.Б.: Думаю, что и Аль-Каида может такую идею использовать.

В.С.: Ну, возможно, возможно. В общем, я анализировал всю эту идею, потом анализировал, что произошло после революции. Там была когорта людей, которые действительно за идею готовы были пожертвовать жизнью и жертвовали. Потом была гражданская война, масса их погибла. А потом восстановительный период, тут партия уже во главе стоит. Было решение, очень интересный пленум ЦК был в 22-м году, это было еще при жизни Ленина, когда Ленин был уже болен. Я думаю, что и Ленин так бы сделал. Сталин распределил всех партработников на несколько категорий и высшие приравнял к буржуазным специальностям, поскольку они были управленцы. Вот так начались особые спецпайки, спецобслуживание и так далее. В общем, так начал создаваться этот чиновничий аппарат, на который он опирался, и который потом стал олицетворением того, что называлось в то время развитым социализмом, впоследствии, уже после войны и так далее.

Чешские события

А чешские события в первую очередь говорили о том, что социализм должен быть с человеческим лицом, а не с чиновничьим, и я все это рассказывал, агитировал, говорил, что какие они молодцы. Короче говоря, кончилось тем, что меня исключили из партии. Я был уже доцент и преподавал в Политехническом институте. Сначала был пленум ЦК здесь, итоговый о чешских событиях, а потом пленум ЦК в Белоруссии, там привели примеры из разных областей жизни и привели в качестве примера меня, в доклад Машерова вставили. Значит, такой-сякой, который говорил о том, что революция у нас была преждевременная, индустриализация проводилась методами рабского труда, поэтому социализм у нас...

В.Б.: Всех собак навешали.

В.С.: Нет, я действительно это говорил, потому что имел в виду труд заключенных, это известно.

В.Б.: А альтернативы вы не предлагали?

В.С.: Нет. И что это социализм с нечеловеческим лицом, а надо с человеческим. Потом оправдывал чешских ревизионистов, и так далее, и так далее, и подписывал всякие письма. Конечно, меня выгнали. А у меня началась хорошая работа. Я в это время как раз работал с физиками, с Левой Томильчиком, своим другом, мы ковырялись в материале, как Максвелл создал теорию электромагнетизма. У меня была схема, она Лева очень понравилась. Когда мы начали работать, были замечательные сюжеты, когда я вдруг выяснял, что все, что я задумал, замечательным образом сочетается с материалом. Вот такой, скажем, сюжет. У нас забрали книгу «Избранные труды Максвелла», мы ее в библиотеке взяли, в академической, в Академии наук. Нам сказали, вы ее уже три месяца держите, верните, мы ее подержим, а через три-четыре дня опять возьмете. Я говорю, чего мы будем четыре дня терять, давай писать так, как будто мы знаем, что он должен там сделать. Мы написали, а когда взяли книгу и сравнили, то оказалось, что один к одному все совпало. Это было просто удивительно.

Хобби

В.Б.: То есть Максвелл как бы у вас «списал».

В.С.: Ход его мыслей был предугадан, все сошлось, что мы написали за эти четыре дня. Самый ключевой момент был в том, как Максвелл открыл уравнение тока смещения. Все сошлось. Мы были в таком восторге.

И вдруг меня исключают из партии. А еще книжку мы с Леовой написали большую «Методология современной физики» по квантово-релятивистской физике, и она должна была выходить в издательстве Академии наук в философской редакции. А ее, так как автор — диссидент, выбросили, естественно, из плана. Но мне повезло, что был пленум, было собрание.

В.Б.: Вы работали?

В.С.: Я уже завершал работу, кончался мой отпуск, и мне уже сказали, что на работу не приходите.

В.Б.: А вы работали уже по линии художественного промысла.

В.С.: А, ну да, это я помогал ребятам оформлять кафе. Но дело не в этом. Когда я вернулся на работу, там произошло очень важное событие. Машеров выступал на собрании у нас в институте, он упомянул меня, ему сказали, что он такой-сякой, мы не знаем, как он дошел до жизни такой, от таких избавляться надо. Был целый набор словесностей. Но особенно не усердствовали, наш партком и все ко мне хорошо относились. А потом он пошел знакомиться с работами архитекторов, наших ребят. И ему понравилось, как они оформили предместье Троицкое, старинный уголок Минска. Они его решили возродить, хотя был план снести и застроить высотными домами. Тогда это модно было. А ему это понравилось, и он сказал, что видно у вас был хороший преподаватель. И вдруг они стали говорить, что его сейчас выгоняют. Там был ректор и секретарь парторганизации. Мне потом рассказали, секретарь парторганизации сказал, что он не вредный парень, он у нас теоретик, ну, занесло парня, но он не враг. А ректор говорит: «Петр Миронович, позвольте оставить его в коллективе, мы его перевоспитаем». И Машеров сказал такую фразу, что да, я навел справки, верю, у него получится. И повторил в заключительной речи своей, когда отвечал на вопросы, после перерыва в собрании, в конце он так и сказал всем. И на завтра мне позвонили из горкома и сказали, что Петр Миронович выразил доверие, напишите апелляцию, мы вас восстановим в партии.

Работа в Белоруссии

В. Б.: Когда он погиб?

В. С.: Он погиб в 80-м году.

В. Б.: Он, вообще-то, мог быть одним из лидеров России.

В. С.: Его прочили в предсовмина, в Белоруссии были самые лучшие достижения, но его недолюбливал Брежнев, и все его окружение видело в нем соперника. Долгое время ему не давали Героя Социалистического Труда, а он был Герой

Советского Союза, причем, за партизанские действия, совершенно по делу. Освободили генерала со всеми картами оборонных укреплений перед пятым сталинским ударом. В Москву этого генерала спровадили. И ему дали героя, он организовывал, сам участвовал.

В. Б.: То есть он, по сравнению с этими геронтократами, был вполне боевой действующий человек.

В. С.: Нет, он был романтик. Стихи собирал, пытался устраивать вечера искусства, представляете, в том доме, где жили секретари ЦК...

В. Б.: А белорусские наши замечательные литераторы тоже были в это время?

В. С.: Кузьмин был, замечательный мужик. Все были знакомы, мы все дружили. С Сашей Адамовичем, например, мы встречали часто дни рождения, все праздники, майские, октябрьские, Новый год встречали вместе. С Быковым я тоже был очень хорошо знаком через композитора Женю Глебова, тоже друг мой. Замечательный композитор. Часто встречались с Быковым, с Адамовичем, с Тарасом, общались, друзья были. Там интеллигенции было немного, все друг друга знали, общались между собой. Был такой замечательный секретарь ЦК Кузьмин Александр Трифонович. Он был сподвижник Машерова в области идеологии. Кто-то сказал ему, что ты курируешь людей сомнительных, Быкова, Глебова, Стёпина. А он ему ответил так: ты же курируешь тракторный завод, а это мое производство, они производят продукцию, которая более ценная, чем трактора тракторного завода. Я тоже должен смотреть, чтобы им песок в гусеницы не сыпали, чтобы не тормозили движение. Хорошее было тогда руководство, многое они сделали.

В. Б.: Есть черно-белый образ СССР. Либо все плохо, как официально часто объявляют, либо полная организация, все замечательно.

В. С.: Разное было, была и дурь. Когда меня назначили завкафедрой, решали вопрос, как с такой биографией назначать заведующим ведущей кафедрой университета. Но у меня тогда уже вышли работы, вышло несколько книг, я уже стал известен и у нас, и за рубежом, писали рецензии на них хорошие, и все. Уже это все знали, КГБ меня уже осветило со всех сторон. Я долгое время был невыездной, потом разрешили. Первый раз выехал в Зальцбург в 84-м году, с 68-го по 84-й я был невыездной.

В. Б.: А перестройка-то вас уже здесь застала?

В. С.: В перестройку я там был завкафедрой, у меня была большая лаборатория при кафедре, социологическая, кафедра была большая. И потом как-то наладилась работа, хорошая была работа, молодых было много, учеников моих, приезжало много людей. «Вопросы философии» устраивали свои круглые столы выездные на базе нашей кафедры. Тогда было общее.

В. Б.: А Бранский там был в это время?

В. С.: Нет, Бранский — это 73-й год, еще раньше, я уже был в докторантуре. Тоже у меня была проблема, завкафедрой решил, что если я, как говорится, замазан, то можно, значит, из меня веревки вить. Он решил устроить персональное дело, поругался с одним. А я встал и сказал, что этого делать нельзя, что это такое. Опять политическое обвинение клеите, а ничего не доказано. Он стал голосовать, чтобы его исключили из партии и с работы выгнали, а я был против.

В. Б.: В общем, вы опять за свое.

В. С.: Он пошел в партком, сразу стал рецидив в прошлом искать. И долго не пускал меня в докторантуру, а мне тут уже Малиновский написал отзыв, Кедров написал отзыв. В общем, прикрепился я сюда и выполнял в Институте философии работу. А когда пришел, у меня шикарные были отзывы на работу, руководитель говорит, что вы мне тычете это, я сам прочитаю. В общем, началось с того, что он не стал читать. А когда на кафедре стали разбираться, он выступил, что нет, не надо его пускать в докторантуру, отзывы были на предварительные материалы. Нельзя его пускать в докторантуру, у него настроения не те, и вообще пишет что-то позитивистское, неправильное. А у нас был профессор Карлюк, они враждовали, и он не упускал возможность его уесть, встал и говорит... а он подражал Ленину, «право же», «паки-паки» (любимые слова из «Философских тетрадей»), «право же, Петр Федорович, что вы можете понять в работах Вячеслава Семеновича? Вы же невежественный в физике человек, вы же недавно произнесли такую фразу, что наши ученые добились того, что веса нету в космосе. Великое достижение наших ученых». Сейчас смешно, а тогда проходило сложно. Надо сказать, что Кузьмин и Машеров сыграли роль важную. А потом, когда уже все состоялось, после этого меня уже сюда привлекли.

Работа в Москве

В.Б.: Вам не кажется, Вячеслав Семенович, что все-таки, несмотря на то, что был определенный идеологический пресс, но закрывать науку нельзя было. Это было преимущество советской системы, Бесплатное всеобщее образование, возможность сделать карьеру.

В.С.: Если кто-то добивался успеха... Когда вышла книжка «Становление научной теории», она была принята хорошо, и стали меня приглашать с лекциями в разные города. Помню, приехал в Екатеринбург, там был Бурбулис, тогда руководитель бюро культурологических семинаров, он устраивал мои лекции.

В.Б.: До перестройки?

В.С.: Это было в конце 70-х, в начале 80-х годов, еще до перестройки. А когда уже началась перестройка, а потом сюжет с распадом СССР и формирование российского правительства, Бурбулис стал заместителем Ельцина по правительству, он же одно время исполнял функции вице-премьера. Тогда пошла слухи, все стали нападать, что вот, мол, Институт философии, а кто они такие, и журнал их такой слякой, они на ЦК работали, надо все это прикрыть. Я вижу такое дело, взял, вертушка была, тогда они все брали сразу сами, они же пришли в ЦК с митинга и еще не обросли промежуточной средой, когда секретарша брала вертушку спецсвязи и за шефа отвечала. Соединить ей или нет, она решает. Я позвонил и говорю: «Геннадий

Эдуардович, вот так и так, говорит с вами Стёпин, директор Института философии». — «Вячеслав Семенович, что вы мне говорите, вы, наверное, забыли, это же я вам лекции устраивал в Екатеринбурге тогда, я один из людей, которые вас тогда приглашали». Я говорю: «Вы знаете, не хотел бы заниматься воспоминаниями, я, честно говоря, правда, забыл об этом случае, а просто тут у нас»... — «Приходите ко мне». Он хорошо принял, говорит, да нет, все это ерунда, Институт философии будет, журнал «Вопросы философии» — лучший наш журнал философский, кто вам сказал эту глупость, никаких этих вещей не будет. Но, тем не менее, конечно, очень большие трудности были в работе, как у всех.

” Начался переход к рынку, я как-то подсчитал, что в один год нам заплатили одиннадцать зарплат вместо двенадцати, потому что после отпуска зарплату не заплатили, задерживали, переносили. В общем, сложно было, но выжили, выжили.

В.Б.: У вас самое тяжелое было время руководить.

В.С.: Да, тяжелое время. Вообще, Институт философии наш — уникальное создание. Во-первых, много людей, много очень толковых людей разных специальностей, пишущих. Действительно, это особая единица, и даже если брать по чинам, по заслугам, по сумме их, то здесь наибольшее количество докторов наук работает.

В.Б.: Сто пятьдесят или больше?

В.С.: Больше, наверное. Сейчас не знаю, но, наверное, больше. Во-вторых, все академики и членкоры по философии работают в институте. Четыре академика, все они в институте. В общем, это так, это так. Период был тяжелый, но в то же время интересный, в том смысле, что свобода открылась. Огромная любая литература, связи с зарубежом, наши работы начали там как-то печататься, признание пришло. В общем, это очень важно было.

В.Б.: Вячеслав Семенович, есть одна печаль, что у нас наука не так популярна и молодежи у нас нет.

В.С.: А это и в мире так во всем. На самом деле и на Западе говорят об этом.

В.Б.: И я сейчас наблюдаю, что американцы стали выводить лекции, не отдельные популярные лекции, а курсами в открытый доступ в сеть. Они фактически возвращаются к идеалам свободного образования, бесплатного. Когда интерес человеческий таеет в отношении культуры в наше время, то тут дело не в деньгах, которые зарабатывают на образовании, а в том, чтобы вернуть людям свежесть восприятия и интерес к большой науке. Может, действительно, и философские сделать какие-то такие ресурсы? Мы сейчас начинаем с вами синергетическое сообщество и постнеклассическое. Я рад, что записал конгресс.

В.С.: Конечно, это нужно делать, бесспорно, нужно делать.

В.Б.: Не в печатном варианте, а просто в сеть.

В.С.: Нужны дискуссии спокойные, свободные, не просто дискуссия ради дискуссии, чтобы кого-то кто-то переорал, а чтобы была проблема, чтобы ее разобрать. Конечно, это нужно, обязательно нужно.

В.Б.: Проблемы трансляции опыта, связь времен. Ваше поколение еще чем отличается. Если взять Гражданскую войну, потом Отечественную войну, то это выбитые поколения, а ваше поколение как бы заняло их место. Поэтому очень большой рост и движение с молодого возраста. Поколение великих удач, своего рода.

В.С.: В общем, да. У нас была привычка к напряженной работе, которая не требовала, не предъявляла никаких претензий, что как же так, я вкалываю-вкалываю, а ничего нет, и никто не кричит, что я великий, и денег не дают. Как же так, это ведь нехорошо?

В.Б.: И конкуренции в этой когорте не было.

В.С.: Там другое было. Я пишу и мысленно знаю, для кого я пишу. Как устроена теория, я пишу для Володи Смирнова, который сейчас, к сожалению, покойный, для Баженова, для людей, которых я уважаю, действительно профессиональных в этой области.

В.Б.: Было чувство общности.

В.С.: Была общность. Вот я вспоминаю с Игорем Алексеевым, покойным ныне, из Новосибирска, мы с ним познакомились в 67-м году, потом как-то встречи оборвались. Потом я в Москву переехал, он мне написал письмо, и мы с ним коммуницировали. Он высылал мне свои статьи, еще не опубликованные, и я такие же высылал, для критики, для замечаний, и в голову не приходило, что можно что-то украсть.

В.Б.: А сегодня это в порядке вещей становится.

В.С.: В голову не приходило. Было нормальное сообщество. Вот как когда-то была республика ученых.

В.Б.: Она в каком-то отношении имеет идеалы соции такого типа.

В.С.: Ну да, если это истина научная, она и есть ценность.

И если ты что-то придумал такое, что тебя одобрили люди, к которым ты тоже относишься, как к людям очень высокого уровня, в которых ты видишь высоких профессионалов, если они одобрили это дело, то это и есть счастье.

В.Б.: Вот Галуа об этом писал. Он очень молодым погиб. Он говорил, что если ты что-то придумал, то высшее начало, которое тобой руководит, велит отдать людям все, больше ничего не надо.

В.С.: Правильно. Ведь это то, ради чего мы работаем. Что компенсация? Это еще Гегель писал — признание. Признание.

В.Б.: Может даже не буквально признание, есть анонимная помощь, а есть фарисейская — я сделал.

В.С.: Понятно. Признание не просто, что мне признание непрофессионала, который ничего не понимает.

В.Б.: Идея общего блага, польза науки, вот это.

В.С.: Совершенно верно. Мне очень важно было, что меня признают те коллеги, которых я признаю, которых я выделил, как более способных, более талантливых в моей области. И плюс к этому, конечно же, поскольку я работал на физическом материале, делал исторические конструкции, мне очень важно было признание физиков, историков науки.

В.Б.: Вашим коллегой был даже Максвелл, как мы сейчас слышали. Вы за него как бы работали.

В.С.: Да, так и работать надо было, мы же работали с текстами, с материалами реальными. Не с учебниками, где я потом находил все перевернутым. Историк физики Марио Льюци написал, что у Максвелла куча натяжек, куча нелогичностей. Как-то случайно, вроде, он открыл свои уравнения, и слава Богу, что нашел. А на самом деле там была жесткая логика. Там были такие вещи, что на каком-то этапе Максвелл получил полную систему уравнений, и еще в лагранжевой форме. И вдруг бросил все и начал делать заново. Почему? А потому, что он не мог найти интерпретацию, там все через векторный потенциал, вся современная система формулировок законов электродинамики. Очень важно было понимание смыслов. Интерпретация, как она строилась.

В.С. Степин и В.В. Миронов в Германии

В.Б.: Вектор потенциала только в XX веке осознали.

В.С.: Да, это правда. Во всяком случае, мы показали, как это сделано было. Потом, уже когда я анализировал квантовую электродинамику, я сам делал реконструкцию. И показал, то, что делал Максвелл, потом было распределено на коллектив примерно двадцать человек величайших физиков. И там эти процедуры иначе были, потому что сначала создавалась математическая форма, а потом искали ее интерпретацию. А у Максвелла сначала понимание, потом форма, потом еще раз вторичная интерпретация. А тут было все сжато, спрессовано.

В.Б.: К математике у физиков отношение менялось.

В.С.: Да, менялось. Сначала математическая гипотеза, началось все с крыши, как говорится, теория строилась с крыши. Но это само по себе интересно было, и работа была такая, сейчас мало, кто так работает. Я и сам сейчас уже занимаюсь немножко другими вещами. Вот тут издали мои избранные труды, я прочитал и подумал об одной вещи. Оказывается, что все основные идеи, за исключением идеи типов цивилизационного развития, кроме постнеклассики, я придумал еще в Белоруссии, работая в университете, до 87-го года. Вот в тот период, это важно, в период с тридцати шести до пятидесяти лет. Эти четырнадцать лет — самый плодотворный период моей жизни, я тогда все конструкции сделал, придумал теории и генезис построил.

В.Б.: Кризис середины жизни прошел мимо вас, вы сидели и писали статьи.

В.С.: Да, примерно так. Я работал. И очень доволен, что часть первая этой работы пришлось на тот период, когда у меня совершилось отключение от официального статуса.

В.Б.: У вас появилось время.

В.С.: Появилось время, ни в какие комиссии меня не выбирали, завкафедрой я не был, я был доцентом, потом профессором кафедры, со студентами, читал лекции, меня ничего не отвлекало, только это. Слава Богу, что я этот период не пропустил, тогда еще была свежая голова, я мог по четырнадцать часов в сутки работать.

” Когда я писал докторскую, были такие дни, когда я четырнадцать часов сидел за столом, только поел, походил, естественно, и все.

В.Б.: Насчет свежей головы, что-то незаметно, что она у вас несвежая. Наверняка, все-таки зрелость восьмидесятилетняя дает какое-то более объемное понимание цивилизации, культуры.

В.С.: Наверное, наверное. Сейчас больше знаешь, больше понимаешь, слава Богу. Главное, чтобы память была, сейчас пока жаловаться не хочу, но вообще, конечно, ясно, что время собирать камни.

В.Б.: Камни собираются, да и память в порядке.

В.С.: Память пока в порядке, и еще что-то сочиняю, но я часто думаю, что к старости многим людям символы власти очень важны, потому что они фиксируют их ценность для общества.

В.Б.: Мы вас любим не за это, Вячеслав Семенович.

В.С.: Я очень рад. Дело в том, что я сам для себя сделал вывод, что надо поменьше набирать на себя какие-то обязанности, много времени тратишь на это. Хотя я люблю общение, люблю лекции читать, и студентам. Вообще я считаю, очень важно, чтобы тебя понимали. Потому что если твоя мысль не отточена, тебя не поймут. В этот момент ты находишь какое-то понимание, слова, которые потом легче на бумагу ложатся.

В.Б.: Вячеслав Семенович, давайте, мы еще разочек соберемся, на другую тему. Поговорим о судьбах общества, о будущем.

В.С.: Давайте.